

Бібліографічні посилання

1. Дончик В. Любов і біль / В. Дончик // Тютюнник Г. М. Облога: [вибрані твори]. – К.: Унів. вид-во ПУЛЬСАРИ, 2004. – С. 5-23.
2. Силантьев. И. В. Теория мотива в отечественном литературоведении и фольклористике: очерк историографии [Электронный ресурс] / Силантьев. И. В. – Новосибирск: Издательство ИДМИ, 1999. – 104 с. – Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/folklore/silantiev1.htm>
3. Шевчук В. На вступі до Храму: моя рання проза / В. Шевчук // Кур'єр Кривбасу. – № 166. – вересень 2003. – С.141–167.

Надійшла до редколегії 12.05.11

УДК 821.161.1: 81'04: 1-924.71

С. О. Курьянов

г. Симферополь

КРЫМСКИЙ ТЕКСТ В ЛИТЕРАТУРЕ КИЕВСКОЙ РУСИ

Рассматривается восприятие Крыма авторами «Повести временных лет».

Ключевые слова: Крым, древнерусская литература, регионалистика.

Розглядається сприйняття Криму авторами «Повісті минулих літ».

Ключові слова: Крим, давньоруська література, регіоналістика.

In the article perception of Crimea is examined by the authors of «Story of temporal years».

Keywords: Crimea, Old Russian literature, rationalistic.

Несмотря на ряд сложностей, всегда стоящих перед исследователем древнерусской литературы (неразличение писцами-переписчиками-писателями Древней Руси *национального* и *заимствованного*, отношение к чужому произведению как к *своему* и т. п.), говорить о писательском восприятии мира в произведениях рассматриваемого времени возможно: сила литературной традиции в древнерусский период была столь велика, что никакие переделки не могли ее уничтожить, разве лишь слегка видоизменить. Формирование русского представления о Крыме древнерусские книжники начали опосредованно, как переводчики (а чаще – переписчики) произведений византийского происхождения, о чем мы писали ранее [см.: 8]. Предметом исследования данной статьи является «Повесть временных лет», объектом – те части произведения, которые текстуально или ассоциативно могут быть соотнесены с Крымом. Цель – осмыслить указанный материал и определить его значение для писательского сознания и читательского восприятия Древней Руси. Актуальность данной темы определяется возросшим в последние годы интересом к проблеме регионального влияния на литературные произведения особо и творчество писателей в целом. Новизна темы вытекает из практической неисследованности проблемы восприятия Крыма древнерусскими авторами.

В «Повести временных лет» Крым упоминается несколько раз. В самом начале памятника говорится о разделении по Потопе земель между сыновьями патриарха Ноя. Иафету, сообщается здесь, достались среди других стран и народов «тавриани»

[13, с. 7]¹, т. е. жители Таврии (Крыма). Обратим внимание на то, что «таврианам», а вместе с тем и Крыму отводилась автором заметная роль, коль скоро они были названы в ряду «Мидии,... Армении Малой и Великой, Каподоккии,... Скуфии,... Македонии,... Аркадии» (с. 7) и других примечательных земель.

Сообщается о посещении Корсуня (Херсонеса) св. апостолом Андреем. Здесь он узнал о том, что «ис Корсуня близь устье Днепрское» (с. 9), и по Днепру поднялся к месту расположения будущего Киева, предрек скорое его появление и, держа путь на север, посетил Новгород. Мы опускаем дискуссию, развернувшуюся в связи с этим фактом летописи [см.: 7; 11], поскольку сложилось мнение, что это более поздняя вставка, связанная с усилением культа Андрея Первозванного к концу XI века. Нам интересен сам факт уверенности древнерусских книжников пребывания Андрея Первозванного в Крыму, осознание того, что Херсонес (Корсунь) как святое место, невозможно было обойти упоминанием. Под годом 6452 (944) находится сообщение о втором походе князя Игоря на греков. (Первый, вначале победоносный, закончился неудачей в 6449 (941) г.). Собрав многих воинов (в составе войска были варяги, русь, поляне, словены, кривичи, тиверцы и даже наемные печенеги), Игорь «поиде на Греки въ лодьях и на конихъ, хотя мьстити себе» (с. 23). И первыми предупреждение византийскому императору Роману послали корсунцы (херсонеситы), сообщая о небывалой русской морской силе: «покрыли суть море корабли» (с. 23). Поход закончился без боя собиранием дани с греков и заключением в следующем 6453 (945) г. мирного договора с Византией.

А. А. Шахматов считал рассказ о втором походе Игоря придуманным летописцем для того, чтобы объяснить появление в следующем году договора Игоря. При этом А. А. Шахматов ссылается на то, что отдельные выражения в описании этого похода напоминают соответствующие места из описания похода Игоря 6449 (941) г. в Житии Василия Нового: «Се слышавше корсунци послаша Роману, глаголюще: “Се идуть Русь...”» и нек. др. [16, с. 72]. По мнению Д. С. Лихачева, договор Игоря с Византией не мог быть заключен после похода 6449 (941) г. – неудачного в своем конце. Договор выгоден для русской стороны, следовательно, рассказ о походе Игоря 6452 (944) г. «имеет некоторые основания. Совпадения же в отдельных выражениях с Житием Василия Нового ни о чем не свидетельствуют» [13, с. 431].

Под 6453 (945) г. помещена запись договора князя Игоря с Византией, где, в частности, оговорены отношения греков-корсунян с русскими в разделе «А о Корсунстей стране». По этому договору русский князь отказывался воевать на земле Херсонеса и за это получал поддержку Византии в военных действиях против третьей стороны. Русские отказывались грабить выброшенные на берег греческие корабли, убивать или порабощать членов их экипажа. Нарушитель становился «повинень закону руску и греческу» (с. 25). Русские обязывались не препятствовать ловле рыбы корсунскими рыбаками в устье Днепра. Русские не имели права зимовать «въ вустьи Днепра, Белбережи (Днепровский лиман. – С. К.), ни у святого

¹ Далее рядом с цитатами из этого издания «Повести временных лет» [13] помещаем только номер страницы в круглых скобках.

Ельферья (о Березань. – С. К.)», но с наступлением осени должны были отправляться «въ дома своя в Русь» (с. 25). В случае прихода в Корсунскую страну черных болгар русский князь обязан был не пускать их, поскольку ущерб был и его стране.

Раздел договора «о Корсуньстей стране» имеет два не вполне ясных места. Во-первых, вызывает споры фраза «Елико же есть городовъ на той части, да не имать волости, князь руский, да воюеть на техъ странахъ, и та страна не покоряется вамъ...» (с. 25). А. А. Шахматов считал, что слова «и та страна не покоряется вам» заменили слова «и та страна не покоряется нам» греческого текста и предлагал понимать смысл этой части статьи так: «Греки разрешают русскому князю воевать Корсунскую страну, если она выйдет из их повиновения, и соглашаются помогать ему присылкой войска». Д. С. Лихачев, возражая, указывал, что такой смысл этой части статьи «не может все же быть из нее выведен грамматически и более чем странен исторически (в случае бунта в Корсуне греки вряд ли могли считать себя сторонними наблюдателями или только помощниками русских, если бы те пожелали выступить против корсунцев)» [13, с. 433]. Интерпретируя статью «о Корсунской стране», А. А. Зимин согласился с мнением А. А. Шахматова: Византия обещала поддержать русского князя, если тот будет приводить к покорности херсонесцев, проявлявших в X веке сепаратистские тенденции [12, с. 47]. М. В. Левченко, напротив, считал, что в статье имеется в виду защита Херсонеса русскими [9, с. 162]. По мнению А. Н. Сахарова, содержание статьи относится к обширной зоне Северного Причерноморья, где Русь обязалась не нападать на владения Византии, однако другие военные действия против тех, кто «не покоряется» Руси, признаны правомочными. А. Н. Сахаров видит направленность этой статьи против Хазарии [15, с. 247–250]. Во-вторых, во фразе: «оже то приходятъ чернии болгаре и вюють въ стране Корсуньстей, и велимъ князю рускому, да ихъ не пуцаеть: пакостять стране его» (с. 25), – смысл последних слов также не совсем ясен. А. А. Шахматов предполагал, что в греческом подлиннике стояли слова не «стране его», а «стране нашей». Д. С. Лихачев возражал, отмечая, что при таком исправлении слова эти оказываются излишними по смыслу, тогда как в целом текст статей договоров всегда крайне лаконичен, и пояснял: «Мне кажется, что смысл этих слов – в указании на то, что разорение Корсуни черными болгарами принесет ущерб не только грекам, но и стране русских (русские поддерживали с Корсунью торговые и культурные связи)» [13, с. 433]. Столь заметное внимание «Корсунстей стране» в «Повести временных лет» объясняется не только политическим ее значением, но и включенностью ее, в силу иных интересов Руси (прежде всего торгово-экономических), в сознание русских писателей XI века. Под годом 6496 (988) помещен самый известный сюжет «Повести временных лет», связанный с Крымом, – о походе на Корсунь кн. Владимира и его крещении. Поход на Корсунь, по свидетельству «Повести временных лет», произошел сразу после того, как были выслушаны все посланники, направленные разузнать, «кто како служить Богу» (с. 48), и принято решение о непременном крещении по восточно-христианскому обряду.

Войско русичей подошло к Херсонесу со стороны моря и, высадившись, расположилось в расстоянии «стрелища» (полета стрелы) от городских стен. Осада

длилась долго, корсуняне «боряхуся крепко» (с. 49). Не помогла работа по присыпанию насыпи (необходимой для взятия стен приступом) – горожане, сделав подкоп, уносили землю в город: насыпь не росла. В это время некий «мужь корсунянинъ» (с. 49), именем Анастас, пустил стрелу с запиской, обращенной к Владимиру, в которой предлагал перекопать русло находящегося вне городских стен водопровода, питающего город водой. Узнав об этом, Владимир, «возревъ на небо», поклялся креститься, «аще се ся сбудеть» (с. 50). Водопровод был перекопан, и страждущие от жажды херсонеситы вынуждены были открыть городские ворота. Войдя в город, князь потребовал от византийских императоров Василия и Константина себе в жены сестру их – царевну Анну, пригрозив, что в случае отказа сделает с Константинополем то же, что с Херсонесом. Императоры согласились, но с непременным условием крещения Владимира. Анна отказывалась «съ плачемъ», чувствуя, что идет «яко в полонъ», а братья уговаривали, указывая на ее христианские обязанности: может быть, говорили они, «обратить Богъ тобою Рускую землю в покаянье, а Гречьскую землю избавишь от лютыя рати» (с. 50). Непосредственно перед свадьбой «по Божью же устрою... разболеся Володимерь очима, и не видяше ничтоже, и тужаше велми, и не домышляшеться, что створити» (с. 50). Царевна стала призывать Владимира к немедленному крещению: «аще хочеши избыти болезни сея...». И сказал князь: если так и будет, «то поистине великъ Богъ будетъ хрестеянескъ» (с. 50). И повелел крестить себя. Обряд крещения был произведен в церкви св. Василия, стоящей в центре города, где собираются корсунцы на торг. Затем состоялся обряд венчания. Прозрение князя Владимира после крещения возымело сильное действие на дружинников, многие из которых также крестились. Далее в тексте помещено пространное вероучительное наставление, обращенное к Владимиру. Перед возвращением на Русь Владимир поставил церковь в Херсонесе на горе, образовавшейся из земли, которую херсонеситы выкрадывали из насыпи, создаваемой для штурма города воинами Владимира. И оставив Корсунь грекам как «вено» (свадебный выкуп) за царевну Анну, вернулся в Киев, взяв с собой Анастаса, корсунских священников, мощи св. Климента и Фива, ученика его, церковную утварь, иконы «на благословенье себе» (с. 52), а также двух медных идолов и четырех медных коней – вещей бесполезных и даже вредных с точки зрения церковной, но заинтересовавших Владимира, видимо, как образцы греческого искусства; не случайно они были поставлены на всеобщее обозрение за десятинной церковью тогда, когда деревянные идола были изрублены и сброшены в Днепр. Во время крещения киевлян Владимир вышел «с попы царицины и с корсуньскими на Дънепръ», т. е. корсунское влияние продолжалось и в Киеве.

В Никоновской летописи после сообщения о браке Владимира с царевной Анной следует описание щедрого пира, охватившего весь Херсонес, на котором любой желающий «невъзбранно съ радостию насыщашеся». И далее – о поставлении первым киевским митрополитом Михаила, о дарах и поздравлениях греческих императоров, о послых от папы римского, принесших в дар мощи святых, о приходе к Владимиру печенежского князя Метигая, который, уверовав, также крестился. А. А. Шахматов не без основания считал, что рассказ Древнейшего свода, предшествовавшего Начальному своду, говорил о крещении Владимира в

Киеве в 986 году; последующий летописец решил исправить этот рассказ о крещении Владимира корсунской версией, оттянув событие до 988 года [17, с. 133–161]. В. Л. Комарович показал, что так называемая Корсунская легенда – сказание о крещении Владимира Святославича в Корсуні – проникла в летопись из фольклора Северного Причерноморья. По предположению Д. С. Лихачева, ее ввел в свою летопись Никон, дважды живший в Тмутаракани и введший в летопись целый ряд других северочерноморских преданий и занесший туда же целый ряд тмутараканских событий, случившихся как раз в те годы, когда Никон в первый раз был в Тмутаракани (1061–1067). Вводя в свою летопись Корсунскую легенду, Никон вынужден был перестроить изложение предшествовавшего Сказания о первоначальном распространении христианства на Руси, по которому Владимир принял христианство в Киеве сразу же после испытания вер. Никон опровергал версии предшественников, прибегал к ряду искусственных приемов, оттянувших крещение Владимира с 986 года до корсунского похода 988 года. В Корсунской легенде есть ряд фольклорных мотивов, свидетельствующих о ее устном происхождении (трехкратное повторение решения о крещении, угроза продержать Корсунь в осаде три года, послание сообщения на стреле, гора, выросшая посреди города из «прикопанной» земли, – на ней в дальнейшем будет выстроена церковь и т. п.). По топографической точности легенда несомненно принадлежала Причерноморью. В ней указаны детали устройства водопровода в Корсуні из колодца вне города; указано место, где стояла церковь св. Василия, в которой крестился Владимир; указано место палат Владимира и отмечено, что они сохраняются «и до сего дне» и др. [13, с. 322–323, 458].

Факты, изложенные в Корсунской легенде (поход князя Владимира на Корсунь, взятие Корсуні, женитьба Владимира на греческой царевне), засвидетельствованы также и византийскими, и арабскими источниками, современными событиям. Впрочем, византийские источники относят поход Владимира на Корсунь и взятие его к 989 году. В «Памяти и похвале князю Владимиру» – та же дата взятия Корсуні (989 год). По мнению М. В. Левченко, Владимир обязался принять христианство во время переговоров с императором Василием II (во времена Владимира Византией управляли императоры-соправители Василий II Болгаробойца и его брат Константин IX) в конце 987 года, Херсонес был им взят между апрелем и серединой июня 989 года, христианизация Руси началась в 990 году [9, с. 354–370]. Не связывают корсунский поход и крещение Владимира А. Г. Кузьмин, полагающий, что Владимир крестился в 986 году, а последующие события в летописи искусственно растянуты [6, с. 273–274], и А. В. Гадло, который усматривает причину похода в стремлении князя Владимира распространить свое влияние в Южном Приазовье, что способствовало появлению русского поселения на берегах Керченского пролива [см.: 3]. По мнению О. М. Рапова, в конце 988 года или в первой половине 989 года византийские императоры Василий II и Константин IX обратились к Владимиру за военной помощью в борьбе с восстанием Варды Фоки. Князь потребовал за помощь в жены царевну Анну и тайно крестился. Поскольку на Русь она не прибыла, в конце лета 989 года он осадил Херсонес и в апреле – мае 990 года овладел городом. Тогда, вероятно, был повторно совершен над князем обряд крещения. Крещение киевлян произошло в конце лета, видимо, 1 августа 990 года

[14, с. 208–250]. Эта ранее излагавшаяся О. М. Раповым гипотеза была подвергнута критике Н. М. Богдановой, по наблюдениям которой взятие Владимиром Корсуни произошло не позднее августа 989 года [см.: 2].

Б. Д. Греков считал, что русские высадились в Стрелецкой бухте [5, с. 109], т. е. русское войско подошло к городу с юго-восточной стороны, остановившись на расстоянии «стрелища» (60–70 м) от стен города. «Житие святого Владимира особого состава», более раннее, чем даже предшествовавший «Повести временных лет» Начальный свод, повествует о том, что стрелу с сообщением Владимиру посылал не Анастас (ему – как становится ясно в дальнейшем, лицу духовному – вряд ли было удобно стрелять из лука с городских стен), а варяг Ждьберн, который после взятия Корсуни получил от Владимира награду. По предположению Д. С. Лихачева, это был один из тех варягов, которые, придя вместе с Владимиром из Новгорода в 6488 (980) г., помогли князю захватить власть в Киеве и убить Ярополка, но, не получив должного вознаграждения, отправились в Царьград на службу Византии. Важным подтверждением этому служит то обстоятельство, что именно вскоре после 980 г. (хотя и не сразу) в Византии был организован особый варяжский корпус [13, с. 450, 459]. Б. Д. Греков считал, что Анастас и Ждьберн могли действовать одновременно [5, с. 109].

Определение церкви, в которой крестился Владимир, как церкви св. Василия вызывает сомнение исследователей, поскольку летописи различно называют ее. Например, по Ипатьевской летописи Владимир крестился в церкви св. Софии, по Новгородской первой – в церкви «св. Василиска». Радзивилловская называет эту церковь – церковью Богородицы. В Новгородской четвертой, Софийской первой, Воскресенской, Хронографе 1512 г. и др., восходящих к московскому своду Фотия (1423 или 1418 г.), церковь, в которой крестился Владимир, определена как церковь Иакова, согласно с житиями Владимира и одной из редакций «Повести о Николе Зараском». Летописное определение церкви, где крестился Владимир, как церкви св. Василиска, весьма возможно, результат ошибочного чтения греческого слова «базилика» – церковь. При этом чтение «святого Василия» – может быть, результат дальнейшего искажения. Анализируя письменные и археологические источники, С. А. Беляев предположил, что Владимир Святославич был крещен в баптистерии, входившем в ансамбль церкви апостола Иакова, где было совершено над ним таинство миропомазания. В составе комплекса храмов, находившихся в данной части Херсонеса, он предполагает церковь апостола Петра, а также кафедральный храм святых Апостолов [см.: 1]. Вероучительное наставление, следующее после сообщения о крещении и бракосочетании Владимира, как отмечают исследователи, составлено из трех статей: 1) Символа Веры, 2) сказания о Вселенских соборах и 3) полемической статьи против латинян. Оно сохранило важные для древнерусского христианства черты: следы еретичества, полемику с язычеством.

Д. С. Лихачев замечал, что преподанный здесь Символ Веры несколько отличается от того перевода Символа Веры, который читается в Изборнике Святослава 1073 г. В частности, в летописи допущено полуарианское (еретическое) выражение «подобосущен» вместо «единосущен», быть может, вследствие того, что переводчик неправильно прочел греческий текст [13, с. 460]. Вся статья против латинян относится ко времени не ранее второй половины XI в., т. е. ко времени

после окончательного разделения церквей. С другой стороны, она не могла быть написана после 1094 г., т. к. к этому году относятся церковные преобразования папы Гильдебранда, введшего, в частности, безбрачие для католического духовенства, поэтому и существующие в летописи обвинения латинского духовенства в многоженстве после этого года были уже несостоятельны.

Запись «Повести временных лет» под 6497 (989) г. сообщает о принятии Владимиром решения о строительстве церкви пресвятой Богородицы, для чего специально были приглашены греческие мастера. Когда строительство было окончено, князь поручил ее Анастасу Корсунянину, поставил служить в ней корсунских священников, отдав в нее все, что взял в Херсонесе: иконы, сосуды, кресты. Окончание этого рассказа помещено под 6504 (996) г. – годом завершения строительства, После освящения храма Владимир передал для церковных нужд Анастасу Корсунянину десятую часть своих богатств и доходов. Отсюда название – Десятинная церковь. По мнению М. Ф. Мурьянова, строительство Десятинной церкви имело помимо основной дополнительную идеологическую функцию: она строилась на территории христианского кладбища и должна была быть местом литургии, тогда как предоставленная ей десятинная становилась постоянной ктиторской жертвой [см.: 10]. Сказание об освещении киевской Десятинной церкви в 996 г. встречается и вне летописи уже в древнейших пергаменных списках Пролога, где оно помещается под 12 мая. Таким образом, корни главного великокняжеского храма Киева имели крымское происхождение, что не могло не запечатлеться в русском православном сознании.

Под 6572 (1064) и под 6573 (1065) г. «Повести временных лет» помещен рассказ о бегстве князя Ростислава Владимировича, внука Ярослава Мудрого в Тмутаракань, откуда он изгнал своего двоюродного брата Глеба Святославича, «а самъ седе в него место» (с. 71). Попытка князя Святослава Черниговского вернуть Глебу Тмутараканский престол закончилась неудачей. Несмотря на то, что непосредственного отношения к Крыму это сообщение не имеет, необходимо указать, что с именем Глеба Святославича связывается происхождение знаменитого Тмутараканского камня с надписью «В лето 6576 (1068) индикта 6 Глебъ князь мериль море по леду от Тьмутараканя до Кърчева – 14000 сяжен» [13, с. 493], где «Кърчевъ» – древнерусское название Керчи. Под годом 6574 (1066) следует запись, повествующая об усилении Ростислава – он брал дань «у касогъ и у инехъ странъ» (с. 72). Этого испугались византийцы и подослали котопана (от среднегреч. – глава, руководитель; вероятно, стратиг), который, войдя в доверие к князю, отравил его. Причем доказал свою причастность к убийству тем, что, вернувшись в Корсунь, точно назвал день, когда должен умереть Ростислав. «Повесть временных лет» сообщает, что котопан был побит камнями корсунскими людьми.

У исследователей (М. Д. Приселков, В. В. Мавродин, А. Л. Яковсон) давно сложилось представление о заинтересованности Византии в поддержке союза трех Ярославичей – Изяслава, Святослава и Всеволода. Поэтому и было высказано предположение, что котопан отравил Ростислава как противника этих Ярославичей по приказу из Византии. Правильно указывая, что в летописном тексте нельзя видеть никаких признаков того, что котопан был убит немедленно по возвращении в Корсунь и именно за то, что отравил русского князя, А. Л. Яковсон видел

вероятность приведения сведения об убийстве котопана для того, чтобы показать «возмездие Божие» за отравление Ростислава. М. В. Левченко согласился с мнением А. Л. Якобсона о том, что черниговский князь Святослав Ярославич попросил императора Константина X Дуку помочь ему убрать Ростислава, который согнал его сына с тмутараканского княжения. Смерть котопана А. Л. Якобсон объяснял, и к этому мнению присоединился А. В. Гадло, как выступление против центрального правительства, стремившегося втянуть херсонеситов в действия, направленные против Тмутаракани после смерти ее правителя [18, с. 20–23; 9, с. 403–404; 4, с. 97–101].

Крым, таким образом, оказывается в поле зрения авторов «Повести временных лет». Однако исчерпывающего представления о нем в произведении мы не найдем. Это не связано с несовершенством художественной системы постижения мира или отсутствием таковой. Просто Крым как земля, существующая вне русской государственности, выполнял в творческом сознании этих писателей определенные художественные задачи. Крым в начале «Повести временных лет» называется в ряду иных примечательных земель. Древнерусские книжники были уверены в пребывании Андрея Первозванного в Крыму, поскольку Херсонес (Корсунь) как святое место, невозможно было обойти. Особое внимание Корсуню в «Повести временных лет» объясняется не только политическим ее значением, но и включенностью ее в ряд интересов Руси, что закрепилось и в сознании русских писателей XI века. Крым – это место пересечения интересов Руси и Византии, причем интересы эти не несут в себе антагонизма: их вектор один. В памятнике действительно подчеркивается значение похода князя Владимира на Корсунь, его крещения и особо отмечается важность венчания его с византийской царевной Анной. Автор «Повести...» был хорошо осведомлен об этом событии прежде всего из фольклорных источников Причерноморья и внес в произведение ряд фольклорных мотивов (трехкратное повторение решения о крещении, угроза продержат Корсунь в осаде три года, послание сообщения на стреле, гора, выросшая посреди города из «прикопанной» земли, – на ней в дальнейшем будет выстроена церковь и т. п.). В произведении особо подчеркивается связь Крыма с Киевом. Построенную в стольном граде Десятинную церковь князь поручил Анастасу Корсунянину, поставил служить в ней корсунских священников, отдав в нее все, что взял в Херсонесе: иконы, сосуды, кресты. Таким образом, корни главного великокняжеского храма Киева имели крымское происхождение, что не могло не запечатлеться в русском православном и писательском сознании.

Библиографические ссылки

1. Беляев, С. А. Где крестился князь Владимир? [Текст] / С. А. Беляев // Памятники культуры. Новые открытия: письменность. Искусство. Археология: Ежегодник: 1988 / [Акад. наук СССР. Науч. совет по истории мировой культуры; редкол.: Д. С. Лихачев (пред.) и др.]. – М.: Наука, 1989. – С. 531–540.
2. Богданова, Н. М. О времени взятия Херсона князем Владимиром [Текст] / Н. М. Богданова // Византийский временник: Т. 47 / Акад. наук СССР. Ин-т всеобщ. истории. [Редкол.: З. В. Удальцова (отв. ред.) и др.]. – М.: Наука, 1986. – С. 39–46
3. Гадло, А. В. О начале славяно-русской миграции в Приазовье и Таврику [Текст] / А. И. Гадло // Славяно-русская этнография: Сб. статей / Геогр. об-во СССР; отв. ред. И. Н. Уханова. – Л.: Наука 1973. – С. 73–91.

4. Гадло, А. В. Этническая история Северного Кавказа X–XIII в. [Текст] / А. И. Гадло. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994. – 217 с.
5. Греков, Б. Д. «Повесть временных лет» о походе Владимира на Корсунь [Текст] / Б. Д. Греков // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии: Т. 3. – Симферополь: [б. и.], 1929.
6. Кузьмин, А. Г. Начальные этапы древнерусского летописания [Текст] / А. Г. Кузьмин. – М., Изд-во МГУ, 1977. – 394 с.
7. Кузьмин, А. Г. Сказание об апостоле Андрее и его место в Начальной летописи [Текст] / А. Г. Кузьмин // Летописи и хроники. – М.: Наука, 1974. – С. 37–47
8. Курьянов, С. О. Крымский текст в литературе Киевской Руси. Статья первая. Херсонесские христианские сказания [Текст] / С. О. Курьянов // Вопросы русской литературы. Межвуз. науч. сб. Вып. 19 (76). – Симферополь: Крымский Архив, 2011. – С. 35–44.
9. Левченко, М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений / М. В. Левченко; под ред. акад. М. Н. Тихомирова. – Москва: Издательство Академии наук СССР, 1956. – 462 с.
10. Мурьянов, М. Ф. О Десятиной церкви князя Владимира [Текст] / М. Ф. Мурьянов // Восточная Европа в древности и средневековье: Сб. статей. – М.: Наука, 1978. – С. 171–175.
11. Мюллер, Л. Древнерусское сказание о хождении апостола Андрея в Киев и Новгород [Текст] / Леопольд Мюллер // Летописи и хроники. – М.: Наука, 1974. – С. 48–64
12. Памятники права Киевского государства. X–XII вв. [Текст] / Сост. А. А. Зимин. – М.: Гос. изд-во юридической литературы, 1952. – 303 с. – (Памятники русского права. Вып. 1.)
13. Повесть временных лет [Текст] / Подгот. текста, перевод, статьи и коммент. Д. С. Лихачева; под ред. В. П. Адриановой-Перетц; изд. 2-е, исправ. и доп. – СПб.: Наука, 1996. – 669 с. – (Литературные памятники).
14. Рапов, О. М. Русская церковь в IX – первой трети XII в.: Принятие христианства [Текст] / О. М. Рапов. – М.: Высшая школа. 1988. – 415 с.
15. Сахаров, А. Н. Дипломатия Древней Руси: IX – первая половина X в. [Текст] / А. Н. Сахаров. – М.: Мысль, 1980. – 358 с.
16. Шахматов, А. А. Повесть временных лет и ее источники [Текст] / А. А. Шахматов // Труды отдела древнерусской литературы. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1940. – Т. IV. – С. 9–150.
17. Шахматов, А. А. Разысканиях о древнейших русских летописных сводах [Текст] / А. А. Шахматов. – М.: Академия 1956. – 380 с.
18. Якобсон, Л. А. Средневековый Херсонес: (XII – XIV в.) [Текст] / Л. А. Якобсон; [Материалы и исследования по археологии СССР. № 17]. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – 384 с.

Надійшла до редколегії 12.05.11

УДК 821.161.2–311.8"312".09

Р. О. Магдиш

м. Ялта

**АВТОР-ПЕРСОНАЖ У ПОДОРОЖНЬОМУ НАРИСІ СЕРГІЯ ЖАДАНА
«ANARCHY IN THE UKR»**

Здійснюється спроба проаналізувати образ автора-персонажа у творі Сергія Жадана «Anarchy in the Ukr» як центральний в тексті жанру подорожі.

Ключові слова: автор, автор-персонаж, подорож, час, простір, постмодернізм.

Осуществляется попытка проанализировать образ автора-персонажа в произведении Сергея Жадана «Anarchy in the Ukr» как центральный в тексте жанра путешествия.

Ключевые слова: автор, автор-персонаж, путешествие, время, пространство, постмодернизм.